

Н. Н. БОНЦЕВИЧ

ПРОРОК В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ: ГЕНРИ ЛЮС И «АМЕРИКАНСКИЙ ВЕК»*

*«Я пристрастен в отношении трех вещей:
веры в Создателя, Республиканской партии
и свободы предпринимательства»¹.*

Генри Робинсон Люс (1898–1967) — фигура знаковая в истории интеллектуальной мысли Америки XX века. Создатель крупнейшей медиа-империи *Time Inc.*, «король американской прессы»², величайший манипулятор общественным мнением, *абсолютный self-made man*, «стопроцентный американец». Вряд ли, в американском медиа-бизнесе 1940–50-х гг. кто-то мог соперничать с Люсом по силе влияния на формирование пристрастий американского среднего класса в вопросах политики, религии, морали. В профессии он не знал конкурентов, его мнение для многих в мире прессы было не менее, а иногда и более авторитетно, чем позиция высокопоставленных чиновников Вашингтона. При этом сам «король прессы» предпочитал позиционировать себя как издателя вне политики, будучи абсолютно уверенным, что именно таким и должен быть имидж человека, ответственного за формирование общественного мнения в своей стране. Люс умело использовал влияние в мире прессы для трансляции своих идей в сознание нации и искренне верил в то, что способен тонко уловить потребности развития страны и народа.

Биографы Люса отмечают, что в процессе расширения издательского бизнеса, а свою империю Люс создавал в течение 13 лет³,

* Написание статьи стало возможно благодаря гранту Программы исследовательских стипендий Карнеги, администрируемой Национальным советом евразийских и восточноевропейских исследований (NCEEER, Вашингтон, США). Фонд не несет ответственности за изложенные в статье взгляды.

¹ Цит. по: *Herzstein R. E. Henry R. Luce. A Political Portrait of the Man who Created the American Century.* N.Y., 1994. P. 47.

² Так Люса назвали его конкуренты в 1948 г. См. об этом: *Baughman J. L. Henry R. Luce and the Rise of the American News Media.* Boston, 1987. P. VII.

³ Первым журналом, изданным будущим медиа-магнатом, был «Тайм». Он вышел в свет в 1923 г. Последним стал «Лайф» (23 ноября 1936 г.).

он был приверженцем авторитарного стиля менеджмента. Являясь главным редактором *Time Inc.*, Люс лично контролировал содержание каждого номера. С годами это стремление к контролю сменилось более жесткими установками. И если до начала 1940-х гг. журналы *Time Inc.* служили площадкой для общественно-политического дискурса, то после 1942 г. альтернативной точке зрения не стало места на страницах его изданий⁴. Можно с уверенностью утверждать, что с этого времени целая медиа-империя стала транслировать убеждения и взгляды одного человека.

Люс совершил настоящую революцию в профессии, внедрив принципиально новый способ подачи информации. Благодаря его новаторским начинаниям, а также усилиям его верного друга и партнера по бизнесу Брита Хэддена читателями журнала «Лайф» уже к концу 1930-х годов являлись около 40 млн. американцев, четверть населения страны. По популярности «Лайф» конкурировал с телевидением, которое набрало обороты лишь к середине 1950-х гг.⁵

Генри Люс выбрал журналистику в качестве дела всей жизни, потому что в нем рано проснулось желание проповедовать, назидать, наставлять. Сын миссионеров, он продолжил дело своих родителей, но уже владея мощным средством воздействия на окружающих – профессией, которая позволяла ему в полной мере реализовать потребность «быть в курсе всех дел, не выходя из дома» и «приблизиться к сердцу мира»⁶. Люс родился в Китае, где его родители, отец, пресвитерианский священник и мать, активистка Женской Христианской ассоциации, оказались по зову сердца, убежденные в том, что нет лучшего способа прославлять Бога и совершенствовать свою жизнь, чем заниматься воспитательной и просветительской деятельностью. В воспитании своих детей они большое место отводили образованию, в том числе и религиозному. Генри Люс-младший рос в атмосфере очень тесной причастности к вере, общению с Создателем. Он неизменно завершал день молитвой, посещал церковные службы, не по-детски серьезно к ним относился, даже сам сочинял

⁴ См. об этом: *Baughman J. L.* Op. cit. P. 150; *Jessup J. K.* The Ideas of Henry Luce. N.Y., 1969. P. 18.

⁵ См. об этом: *Miller D. T., Nowak M.* The Fifties: The Way We Really Were. N.Y., 1977. P. 338.

⁶ Цит. по: *Baughman J. L.* Op. cit. P. 11.

молитвы. Совместное семейное прочтение Библии погружало его в мир героев, перед которыми он испытывал и страх, и благоговение. В детских фантазиях Генри видел себя солдатом Христа, бесстрашно сражающимся с армией зла. Весь окружающий мир представлялся ему разделенным на силы добра и зла, находящиеся в состоянии постоянного противоборства. Эту особенность восприятия окружающей действительности Люс не утратил и во взрослом состоянии.

Миссионеры Генри и Элизабет Люсы воспитывали детей в беспрекословной вере в то, что Америка — земля благословенная, отмеченная божественным Провидением и призванная выполнить миссию распространения добродетели в мире. Генри с раннего детства проникся мыслью об исключительности Америки и американцев. Причиной тому было особое ностальгическое настроение, царившее в общине миссионеров, деятельный патриотизм отца, а также наблюдательность маленького Гарри, который быстро отметил про себя, что англичане и немцы очень часто допускали грубость и даже жестокость в обращении с китайцами, поведение же американцев всегда было достойным и уважительным. Наверное, оторванность от родины и не всегда дружественное отношение местных жителей к иностранцам, сыграли свою роль в том излишне романтическом и идеализированном восприятии Америки, которое юный Люс вынес из детства. Особенно памяты были празднования Дня независимости в миссионерской общине в Китае с пением патриотических песен и поеданием традиционного мороженого и торта. Позднее, сделав блестящую карьеру журналиста и издателя и подрастеряв с годами юношеский максимализм, Генри Люс признавался, что никогда не испытал ни малейшего разочарования в своей Америке⁷.

Из детства Люс вынес, во-первых, ощущение своей американской идентичности как формы божьей милости⁸, во-вторых, непреходящую тревогу за Америку, источником которой было засевавшее где-то в подсознании чувство чужого недружественного окружения. Это стало питательной почвой патриотизма Люса на долгие годы.

В 1913 г. Генри младший был отправлен родителями в школу Хоткис в Коннектикуте, кузницу будущих выпускников Йельского университета, бизнесменов и представителей интеллектуальных

⁷ Ibidem.

⁸ Herzstein R. E. Op. cit. P. 29.

профессий. Школа Хоткис считалась строго пресвитерианской и прореспубликанской, отличалась снобистскими нравами. За пренебрежение к внешнему виду и китайское прошлое Генри очень скоро снискал прозвище «китаец», но давлению и нападкам одноклассников не поддался. Напротив, никогда не скрывал своего осуждения нравов, царивших в школе Хоткис, особенно высокомерия, социального снобизма и расовых предрассудков. Все эти качества обывателей элитной американской школы омрачали идеальный образ Америки юного Люса. Он был уверен, что чувство презрения к людям другого цвета кожи недостойно звания американца, как представителя страны, имеющей высокое предназначение. К моменту поступления в Хоткис он четко усвоил кодекс поведения, воспитанный в нем отцом и основанный на трех главных составляющих: вере в бога, уверенности в себе и стремлении к успеху. Причем успех в понимании Люса-младшего не всегда имел материальное измерение⁹.

Став студентом Йеля в сентябре 1916 г., Гарри с головой окунулся в занятие, которое, по его мнению, полностью удовлетворяло его неизменному желанию обучать и убеждать. Он активно печатается сразу в двух студенческих изданиях «Йель Литэрани Мэгэзин» и «Йель Дэйли Ньюз» и входит в коллегии редакторов обоих. Гарри пишет на злободневные политические темы, пишет остро, принципиально, «с огоньком». К началу 1917 г. Йель охватила волна дебатов по поводу возможного вступления США в войну. В гуще обсуждения оказался и студент Люс, который в своих статьях размышляет о войне со свойственной ему риторикой солдата Христа.

Мир возможен только тогда, когда зло будет уничтожено. При таком подходе вопрос о вступлении Америки на стороне правды и цивилизации, олицетворяемых союзом Англии и Франции, в борьбу против тевтонского варварства, решается Люсом без малейших сомнений. Но была еще одна причина, объясняющая невероятную легкость, с которой молодой человек решает столь судьбоносную для своей страны проблему. Дело в том, что еще в школе в Хоткис в Коннектикуте, он спрогнозировал мировое лидерство Америки к исходу первой мировой войны и назвал это лишь прелюдией к наступлению «Американского века».

⁹ Ibid. P. 34.

Мыслями об удивительной непохожести на весь остальной мир, необыкновенных возможностях развития и особом предназначении Америки проникнуты первые публицистические опыты Генри Люса. В эссе «Когда мы произносим Америка», удостоенном премии студенческого конкурса на лучшего оратора в 1920 г., будущий медиамагнат говорит о своей стране, как об имеющей ярко выраженную властную харизму, и сравнивает с гигантом, оседлавшим земной шар и держащим его на финансовом поводке. Он не может скрыть своего восхищения колоссальными возможностями, открывающимися перед Америкой, чье нарастающее быстрыми темпами могущество и мощь, как ему казалось, вот-вот вырвутся за национальные границы. В каком направлении устремится американская мощь, и какие испытания предстоят стране, привыкшей жить собственными тихими радостями? Эти вопросы будут в центре журналистского и публицистического творчества Генри Люса, как минимум, три десятилетия.

В эссе Люс еще не использует ставшей знаменитой впоследствии метафоры «Американский век», но предсказывает, тем не менее, его наступление, которое легко будет определить по двум вещам: «...первое, американские интересы будут уважать (во всем мире. — *Н. Б.*), американские граждане смогут беспрепятственно торговать и жить в любом уголке земного шара; второе, Америка сможет рассчитывать на участие в решении любой международной проблемы, и на то, чтобы быть большим другом для слабых, нуждающихся в поддержке наций, особенно тех, которые стремятся к совершенству своей политической и социальной организации, и, напротив, врагом для тех государств, которые посягнут на мирное развитие народов. Если Америка в своей внешней политике будет руководствоваться данными целями, то ее ждет слава благородной нации...»¹⁰.

Люс пришел в журналистику с твердым намерением ее изменить, придать ей новые формы и наполнить новым содержанием. Ему не нравилась «местечковость» тогдашней прессы, ее оторванность от остального мира, однообразие информации, перепечатанной из одного источника, ставка на сенсационный ее характер. Люс мечтал сделать журналистику интеллектуальной, образовывающей, воспитывающей, такой, которая могла бы послужить осуществле-

¹⁰ *Luce H. R.* When we Say "America" // *The Ideas of Henry Luce* / Ed. by J. K. Jessup. N.Y., 1969. P. 89-90.

нию его заветной цели видеть Америку в будущем управляемой представителями образованной элиты, способной достойно начать век глобального присутствия Америки в мире. Для потребления информации, более глубокой, чем простая сенсация, в 1920-е годы уже сложилась аудитория. Это был образованный средний класс, численно выросший вследствие экономических преобразований и урбанизации. Потребности в информации динамично развивающихся средних слоев города старая журналистика удовлетворить в полной мере не могла. Кроме того, для страны, которая готовилась в скором будущем, по глубокому убеждению Люса, занять место мирового лидера, отсутствие общегосударственной прессы, способной реагировать на быстрые изменения в мире, было насущной потребностью.

Первым детищем Люса стал журнал «Тайм», который он начал издавать в 1923 г. вместе с университетским товарищем Бритоном Хэддоном. «Тайм» состоял из коротких статей, представлявших законченные истории, и был хорошо снабжен фотографиями интересных людей. Новый журнал отличало две вещи: остроумный резкий лаконичный язык и ощущение, возникающее у читателя, словно бы он прошел от незнания к полному владению информацией. В сущности Люс и Хэддон использовали тот же самый новостной материал, что и остальные газетчики, но преподносили его живо и интересно, иногда дерзко, иногда иронично, но всегда так, чтобы наверняка заинтересовать читателя. Выбранный метод подачи материала сработал и скоро «Тайм» приобрел свою читательскую аудиторию, среди которой самыми преданными были журналисты и политики.

Второй журнал Люса «Форчун» предназначался для бизнес-аудитории. Люс, страстно мечтавший о меритократии, особые надежды возлагал на этот класс общества, видя в нем и надежного партнера, и постоянный резерв власти. Люс утверждал, что бизнес, особенно его средние круги, являются носителями аристократического принципа, без которого невозможна стабильная система правления. Он состоит в сочетании четырех начал — науки, процветания, эффективного распределения богатства и гармонии. Нация без аристократии подобна телу без головы, любил повторять Люс, цитируя своего кумира в мире философской мысли Эдмунда Бёрка¹¹. Одной

¹¹ *Luce H. R. Aristocracy and Motives // The Ideas of Henry Luce. P. 100.*

бюрократии не справиться с задачами развития будущей державы номер один в мире, ей недостает чувства ответственности, которое так присуще бизнес-сообществу. Только союз двух элит, бизнеса и политики, является оптимальным сплавом образованности, здравого смысла и политической решимости.

Неисправимый моралист, Люс не видел смысла в политике ради политики, считал, что в основе любой политики должны быть высокие цели, а к политическим лидерам Америки предъявлял особые требования. Размышляя о моральном облике правящей элиты, Люс снова и снова возвращался к творчеству Э. Бёрка, который говорил о политическом лидере как о человеке, имеющем обостренное чувство долга и внутреннее благородство. Такие качества нужно воспитывать, считал Люс, и искал возможности поучаствовать в этом процессе посредством ремесла, которым владел в совершенстве, журналистики. Новый журнал «Форчун» во многом был задуман как канал воздействия на представителей бизнеса, не случайно его постоянными читателями стали менеджеры разного уровня.

В публицистическом творчестве Люса одной из ведущих всегда оставалась тема прошлого и будущего Америки, ее места во всемирно-историческом процессе. Следует признать, что Люс не ограничился простой демагогией по поводу будущего своей страны, когда с его легкой руки словосочетание «американский век» стало метафорой. Он в продолжение всей своей издательской карьеры методично обосновывал свою позицию, и его многочисленные статьи, речи, материалы редакторской колонки служат тому подтверждением.

В прошлом произошло главное, с точки зрения Люса, событие — были заложены основы великой либеральной традиции, которая представляет собой совокупность жизненно-важных для понимания сущности американской цивилизации принципов, которые определили магистральную линию ее развития на все времена. Политическая свобода, религиозная мораль и здравый смысл — вот символы веры американского народа. Они универсальны, вечны и являются ценностными ориентирами в развитии любого народа¹².

Люс неоднократно подчеркивал, что американская либеральная традиция уникальна. В отличие от европейской, в ней никогда не

¹² *Luce H. R. The Great Liberal Tradition // The Ideas of Henry Luce. P. 127.*

противопоставлялись свобода и вера, т.е. борьба за идеалы политической демократии на американском континенте никогда не носила антирелигиозный характер. Поэтому религиозную составляющую, Люс, совсем не случайно, выделяет в своем определении либеральной традиции наряду с политической свободой и здравым смыслом. Для него, тезис о том, что американская свобода является «свободой санкционированной Богом», не подлежит сомнению. «Разве сможем мы уберечь свободу, которую имеем, если откажемся верить в то, что она дарована Создателем?». Люс убежден, что в ответе на этот вопрос с ним солидарно подавляющее большинство нации¹³.

Сторонник доктрины предопределения, Люс искренне верил в то, что великая либеральная традиция — не просто удачный эксперимент, осуществленный пилигримами, а дар судьбы, обстоятельство, определившее великое будущее Америки. В том, что Америку ждет именно великое будущее, Люс не сомневался никогда.

Еще будучи студентом старшекурсником Йельского университета, Генри Люс высказал смелое предположение о том, что XX век будет столетием американского мирового могущества, основанного на экономической мощи, индустриально-техническом гении молодой республики, а также обновленческом моральном кредо великой нации в деле объединения всех народов и культур в “global city of men”¹⁴. В 1941 г. пророчество Люса, обретшее форму политико-философской концепции, было опубликовано в его журнале «Лайф», а потом и в виде книги под тем же названием «Американский век». Книга наделала много шума в интеллектуальных кругах Америки. В чем только не обвиняли автора «Американского века» пацифисты, изоляционисты, республиканцы, прогрессисты, либералы. В глазах последних книга Люса была идеологическим манифестом грядущего американского имперского экспансионизма. Ведущий американский политический обозреватель Фреда Кирчвей сравнила концепцию американского мирового господства, оформленную Люсом, с такими нацистскими понятиями как «Новый Порядок» и *Lebensraum*. Освальд Гаррисон Виллард, ветеран антивоенного движения в США, подчеркивал, что интервенционизм станет господствующей идеологией американской послевоенной империи, а Рузвельт собирается

¹³ Ibid. P. 128.

¹⁴ Jessup J. K. Op. cit. P. 89.

стать «президентом мира». Виллард рассматривал Люса и Рузвельта как людей глобальных замыслов зла. «Американский век», писал он, «есть смесь империализма с агрессией, результат которой не что иное, как американская версия «Майн Кампф» Гитлера. Итальянский политический комментатор Джованни Ансальдо подчеркивал, что «американские правящие круги, включая Люса, собираются захватить весь мир и править им как своей вотчиной». Ансальдо предсказывал возникновение «американского столетия зла, в котором янки-заправилы будут обращаться с европейцами, как с жителями Гавайев и Филиппин». Немецкий публицист Ричард Саллет, который опубликовал книгу о Люсе, характеризовал американского медиа-магната как «глашатая империализма варварской страны» и добавлял, что книга «Американский век» есть отражение «морального вырождения и порочности, прикрываемых лицемерным высокомерием и притворным коварством плутократов Вашингтона»¹⁵.

В действительности замысел Люса состоял в том, чтобы переломить довольно сильные изоляционистские настроения в обществе и обосновать легитимность предстоящей роли США в качестве мирового лидера. С самого начала войны в Европе Люс был сторонником всесторонней помощи Великобритании, отражавшей нацистский натиск, и поборником особых отношений между Великобританией и США. Он даже предлагал идею объединения двух народов в федерацию. Хотя, впрочем, это не помешало ему пропагандировать идею доминирования США на международной арене в роли лидера, которую когда-то играла Британская империя.

Пытаясь склонить маятник общественного мнения в сторону поддержки интернационалистов, Люс не просто приводит доводы в пользу участия Америки в войне, но делает это, приводя стройную систему аргументов, концепцию предстоящего глобального лидерства Америки. Вот основные ее положения. Вся предшествующая история государства американских штатов — это путь поступательного движения к обретению статуса самой могущественной державы мира. Цепь исторических событий, через которые пришлось пройти американскому народу, как будто, заранее кто-то спланировал, такой очевидной кажется логика продвижения к обретению глобального

¹⁵ См.: http://www.patriotica.ru/enemy/kreitor_nmp.html

лидерства. Кажется, будто рука Провидения позаботилась об удачном стечении обстоятельств, предшествовавших образованию американской государственности, когда в одном месте и в одно время оказались все необходимые компоненты будущей цивилизации — технологии, средний класс, язык, религиозность в сочетании с толерантностью, любовь к знанию и науке, и, главное, задача формирования народного правления. В течение двух столетий «первая современная цивилизация» «вызревала», чтобы продемонстрировать миру свой небывалый экономический и моральный потенциал¹⁶.

Без всякого сомнения, отважный эксперимент, удачно осуществленный пилигримами, мог быть оценен потомками как банальное стремление удовлетворить личный интерес, собственные потребности. Но для Люса мода на подобный реализм современной материалистической мысли остается за гранью его политико-философской концепции происхождения американского государства. Получив с детства экуменическое воспитание, он на всю жизнь сроднился с мыслью об особой исторической миссии Америки, которая как раз и была направлена на реализацию цели изначально лежавшей у истоков создания новой государственности — сделать свободным и благополучным не только отдельную нацию, но и все человечество: «Поощрять и поддерживать всеми возможными средствами доминирующий [американский — *Н. Б.*] образец свободы во всем мире»¹⁷; «Сделать человека свободным» — вот квинтэссенция исторической миссии Америки, цель, которую Провидение положило в основу американской государственности¹⁸.

Замысел «Американского века» состоял не только в намерении доказать несостоятельность и даже опасность изоляционизма как американской внешнеполитической стратегемы, но и обосновать и подкрепить системой весомых аргументов моральное право Америки глобально присутствовать в мире. Люс безошибочно выбирает самые точные аргументы, подтверждающие его безусловную правоту. Америка — единственная страна в мире, которой удалось сохранить глубокую приверженность главным ценностям западной цивили-

¹⁶ *Luce H. R. The American Pilgrimage // The Ideas of Henry Luce. P. 136; Idem. Providence in the Colonies // Ibid. P. 141.*

¹⁷ *Idem. Our Purpose is Freedom // Ibid. P. 123.*

¹⁸ *Idem. National Purpose and Cold War // Ibid. P. 132.*

лизации: свободе, справедливости, христианской вере, демократии, в их первозданном, не испорченном политическими экспериментами, виде. Великая либеральная традиция обеспечила надежный иммунитет от угроз трансформации демократического строя, его вырождения в тиранию или деспотию, от превращения в колониальную империю. Европа, вступившая на путь модернизации, так и не смогла достичь необходимого баланса между свободой и принципами конституционного правления, именно по причине разрыва с великой либеральной традицией, стержень которой Люс видит в синтезе политической демократии и религиозной морали. Отсюда — дикое шатание между демократией и тиранией, классовые и религиозные войны, кульминацией которых стал марксизм и коммунизм¹⁹.

Америка как последний оплот великих принципов западной цивилизации просто обязана поделиться ими со всем остальным миром. «Америка как Добрый Самаритянин», ее призвание в том, чтобы отдавать, а не получать²⁰. Люс справедливо отмечает, что предстоящее лидерство Америки — и величие, и бремя одновременно, и справедливо опасается неготовности общества к новой роли. Он видит свою задачу как профессионала, прекрасно владеющего искусством убеждать, как патриота своей страны в том, чтобы подготовить общественное мнение к новой роли Америки на международной арене. Талантливый манипулятор, Люс искусно применяет самые действенные приемы психологического воздействия на читательскую аудиторию, затрагивает глубинные пласты подсознания. Легче всего ему это удастся, когда он играет на чувствах, обращается к страхам и предрассудкам, как в случае с ситуацией вокруг вступления Америки в войну, которую Люс мастерски обыграл через апелляцию к самому уязвимому месту исторической памяти — коллективному подсознательному страху великой депрессии.

На встрече с представителями ассоциации американских колледжей 9 января 1941 г. Люс начал свою речь с открытой провокации аудитории. Он отметил, что было бы напрасно думать, что самое худшее в истории американского народа, а именно экономический кризис и его социальные последствия, уже произошло. Новые, непредвиденные бедствия ожидают американский народ и мир в це-

¹⁹ *Luce H. R.* Providence in the Colonies. P. 140-141.

²⁰ *Idem.* The American Century // The Ideas of Henry Luce. P. 120.

лом. XX век вообще может стать концом цивилизации, если Америка не возьмет на себя задачу противостоять тем силам, которые последовательно выступают против триумфа морали, свободы, демократии и свободы предпринимательства. Медиа-магнат делает однозначный вывод: «не существует другой возможности выживания американской цивилизации [в условиях острого противоборства добра и зла — *Н. Б.*] как выживания в качестве мировой силы»²¹.

Люс фактически не оставлял американцам выбора, четко давая понять, что мировое лидерство — священный долг всего американского народа, он неоспорим, и хотя бы они того или нет, но им придется «принять [его — *Н. Б.*] от всего сердца и воспользоваться благоприятной возможностью быть самой могучей и жизненно важной державой в мире и, как следствие этого, быть готовыми с полной мерой ответственности оказывать влияние на весь остальной мир в целях, представляющих наш интерес, и средствами, которые мы считаем необходимыми»²². Впрочем, американцам и делать ничего не придется, так как фактически Америка уже «мировая сила», «интеллектуальная, научная и культурная столица мира». «Американский джаз, голливудские фильмы, американский слэнг, американские машины и запатентованные товары» уже есть в каждом уголке от Занзибара до Гамбурга. Люди во всем мире верят в добрые намерения Америки и ее народа. И еще одно обстоятельство, которое, по мнению Люса, автоматически выводит Америку на лидерские позиции в мире, это ее беспрецедентная экономическая мощь. Америка уже сейчас способна накормить и обути весь остальной мир, с чувством особой гордости констатирует Люс. «Наша страна впервые в истории способна удовлетворить все материальные нужды человечества», поэтому ей не представляет особого труда пообещать «более благополучную жизнь» для всех остальных народов. «Это легко исполнить», ведь изобилие там, где свобода, «свобода есть необходимое условие материального богатства», а не плановая экономика, как уверяют социалисты и коммунисты²³.

В сложившихся условиях, подводит итог Люс, у Америки есть все необходимые атрибуты мирового лидера: внушительный про-

²¹ Цит. по: *Herzstein R. E. Op. cit. P. 177.*

²² *Luce H. R. The American Century. P. 113.*

²³ *Ibid. P. 117-118.*

мышленный и технический потенциал, престиж в мире и безоговорочная преданность великим принципам западной цивилизации, зафиксированным в Декларации независимости, Билле о правах и конституции. Остается лишь осуществить задачу великой нации, которая в том, чтобы без промедления воспользоваться удачным для нее стечением обстоятельств [ослабление Англии — *Н. Б.*] и исполнить высокий долг, возложенный на нее Провидением, так как теперь судьба остального мира напрямую будет зависеть от того, возьмет ли Америка бремя лидерства или нет. Люс не без чувства особого удовлетворения пишет о том, что настало «наше время быть центром цивилизации», «воплощением идеалов свободы и справедливости», «добрым самаритянином», чудесным образом, помогающим народам подняться с колен и достичь вершин благополучия²⁴.

Хотя Люс и позиционировал себя как издателя вне политики, его политические симпатии всегда оставались на стороне Республиканской партии. Еще подростком он проникся особыми чувствами к героическому образу Теодора Рузвельта, который на всю жизнь остался для него воплощением силы характера, патриотизма и нескончаемой веры в торжество справедливости. Подражая во всем своему кумиру, Люс стал понимать справедливость как последовательное искоренение всякой формы несвободы, будь то колониализм или диктатура, или незаконно полученные привилегии. Ему импонировало то, как Рузвельт решал проблему смены геополитических установок, прежде всего проблему «интернационализм против изоляционизма». Рузвельт, будучи лидером интервенционистов, решительно критиковал невовлеченность Америки в мировые дела и считал подобную политику самоустранения преступной. В подтверждение своей позиции он приводил как объективные факторы (например, американскую экономическую мощь), так и философские принципы, принципы высокой морали, которые, в свою очередь, базировались на обновленческом мессианстве и почти мистической вере в то, что именно на Америку Провидение возложило функции главного зодчего нового мироздания²⁵.

²⁴ Ibid. P. 117-120.

²⁵ Мальков В. Л. Американская мечта как символ веры и внешнеполитическая стратегема. Протоистория «империи по приглашению» // Американский Ежегодник, 1999. М., 2001. С. 136-137.

Оставаясь убежденным республиканцем, Люс, тем не менее, неоднократно в своей профессиональной карьере ставил интересы страны выше собственных политических предпочтений и шел на сотрудничество с демократами, если от этого зависела судьба родины и политических идеалов. Медиа-магнат предпочитал не афишировать своих политических пристрастий, потому что для него, как человека, которому беззаветно доверяли миллионы американцев, было чрезвычайно важно сохранять, хотя бы внешне, беспристрастность. Однако, по понятным причинам, ему не всегда это удавалось. В моменты принятия судьбоносных для нации решений правящая администрация, как правило, искала с ним сотрудничества. Ведь медиа-империя Люса были подконтрольны 40 млн. американцев.

В 1940 г., когда президент Ф. Рузвельт испытывал трудности с принятием решения об оказании военной помощи Великобритании, втянутой в войну с фашистской Германией, именно Генри Люс помог решить ее безболезненным для президента способом. Дело в том, что проблема американской военной помощи Великобритании оказалась на пике обсуждения в американских политических кругах как раз накануне очередных президентских выборов, летом 1940 г. Прекрасно осознавая, каким может быть резонанс в обществе от решения послать американские военные корабли на британские морские базы, Рузвельт не хотел действовать опрометчиво, чтобы не повредить собственному имиджу в глазах избирателей, и до последнего [до июля 1940 г. — *Н. Б.*] искал возможность заручиться поддержкой и Конгресса, и общественного мнения. На помощь пришел, как ни странно, Генри Люс. Важно отметить, что президент и влиятельный издатель питали далеко не дружеские чувства по отношению друг к другу²⁶, но сходились в одном, ради государственных интересов можно поступиться личными пристрастиями.

Рузвельт был прекрасно осведомлен о степени влиятельности периодических изданий *Time Inc.*, о многомиллионной читательской аудитории журналов Люса и понимал, что лучшего канала для воздействия на общественное мнение, тем более сразу по нескольким

²⁶ В 1938 г. «Тайм» обвинял Рузвельта в nepoтuзме и политической некомпетентности. Люс был склонен видеть причину экономического спада 1938 г., который он называл «Рузвельтовской депрессией», именно в реформах «Нового курса».

направлениям, ему не найти. Читательскую аудиторию «Тайм» составляли бизнесмены и политики, в то время как «Лайф» был популярен у среднего класса американского общества. Люс мог быть полезен для президента еще и как связующее звено с республиканцами и их кандидатом на выборах 1940 г. Уэнделлом Уилки, над политическим имиджем которого работал Рассел Давенпорт, исполнительный директор журнала «Форчун». Согласие Уилки в вопросе о посылке военных кораблей Британии было важно для президента.

О своем нежелании принимать окончательное решение по вопросу о военной помощи Англии до тех пор, пока Люс не выступит в качестве надежного информационного тыла внешней политики Белого дома, Рузвельт сообщил ему лично на встрече в Белом Доме 25 июля 1940 г. В ответ на что, издатель пообещал поддержку во всем, что касается помощи Англии²⁷. К счастью для Рузвельта Люс был убежден в необходимости посылки эсминцев к британским берегам, так как полностью разделял тревогу многих высокопоставленных чиновников и политиков Вашингтона, а также влиятельных представителей бизнеса по поводу возможного доминирования немцев над Атлантикой, в случае их победы, и глубинных последствий этой победы для США. Кроме того, Люс, как и многие глобалисты, наблюдал за событиями на европейском континенте с едва скрываемым чувством радостного ожидания долгожданного момента, когда Америка займет, наконец, уготованное ей Провидением место «главного архитектора нового мирового порядка»²⁸.

Люсу предстояло переломить существующие в обществе настроения, которые в главном сводились к тому, что кризис на континенте не имеет прямого отношения к Америке. И здесь он не сомневался, что и на этот раз сила его убеждения сработает на то, чтобы посеять семена сомнения по поводу абсолютной безопасности восточных берегов США от немецко-фашистской угрозы и воодушевить американцев продемонстрировать солидарность с сражающейся Британией. Важно было также подчеркнуть исключительную выгоду для США сделки между правительствами двух стран — посылки военных эсминцев в обмен на морские базы Великобритании в Карибском бассейне.

²⁷ Herzstein R. E. Op. cit. P. 15-16.

²⁸ Ibid. P. 6.

Уже 29 июля спустя 4 дня после встречи в Белом доме «Тайм» на четырех страницах текста с привлечением географических карт разъяснял миллионам своих читателей чрезвычайную важность для национальной безопасности страны приобретения военных морских баз в Карибском море. В статье убедительно доказывалось, что в ситуации, когда Америка не имеет в Карибском бассейне сил, чтобы противопоставить немецким морским базам в этом регионе, ее юго-восточная морская граница вместе с Панамским каналом превращаются в уязвимое место. Ссылаясь на документы военной разведки и военного ведомства США, авторы статьи доказывали, что в случае приобретения морских баз дальность бомбовых ударов к востоку и югу от морской границы США и соответственно военная мощь страны на самых дальних подступах в Карибском бассейне и Атлантике увеличится многократно. «Лайф» также отметил выдающийся характер предстоящей сделки для США, а президент Рузвельт, делая официальное заявление для прессы по этому поводу 3 сентября 1940 г., сравнил ее с покупкой французской Луизианы президентом Томасом Джефферсоном в 1803 г.²⁹ Этот небольшой пример из обширной журналистской и издательской практики Генри Люса убедительно демонстрирует его ярко выраженный талант манипулятора, которому по плечу решение любой даже сверхсложной задачи.

Биографы упоминают еще об одной удивительной способности Люса, его умении предвещать политические решения. Так, все в том же «Американском веке» в феврале 1941 г. Люс писал, что у Америки есть очевидная обязанность поддержать те народы, которые вследствие коллапса западной цивилизации оказались один на один с враждебными к ним правительствами. Следуя этой цели, на каждый доллар, который Америка потратит на вооружение, должен приходиться хотя бы цент, предназначенный на гуманитарные цели. Каждый американский фермер должен быть готов к тому, что излишки его продукции могут и должны оказаться в любой точке земного шара, где есть голодающие люди, как подарок, не требующий возмещения³⁰. Складывается впечатление, что Люс уже в 1941 г. знал о послевоенных инициативах правящей администрации: доктрине Трумэна, плане Маршалла и программе «пункт 4».

²⁹ Ibid. P. 21.

³⁰ Luce H. R. The American Century. P. 119.

Современники Генри Люса, критики и публицисты, коллеги по издательскому бизнесу, читатели, высоко оценили его журналистский гений, признав создателя медиа-империи «Time Inc.» одним из самых влиятельных людей в мире прессы («*a Lord of the press*»)³¹. Сравнение Люса с великими американскими мыслителями, отцами-основателями, которые неоднократно делались в литературе о нем, вовсе не кажутся преувеличением, учитывая степень влияния Люса на интеллектуальный климат эпохи, на общенациональный политико-философский дискурс. Его знаменитое эссе «Американский век» получило очень высокую оценку в американских интеллектуальных кругах³². Без всякого сомнения, Люс заслужил подобные аналогии как личность многогранная, как человек широкой эрудиции, как новатор в своем ремесле и как патриот своей страны.

Генри Люс никогда не сомневался в том, что его Америку ждет великое будущее, которое, как он считал, предопределено уже тем обстоятельством, что пуритане, заложившие нацию, сформулировали и передали потомкам некий моральный код, систему ценностей, способную изменить мир к лучшему. Люс не мыслил американской системы ценностей без таких типичных символов жизни маленького городка как вера, семья, община, но при этом оставался человеком современной эпохи, успешным бизнесменом, сторонником технического прогресса. Он был убежден в том, что американский эксперимент как раз и уникален тем, что его итогом стало утверждение феномена «первой в мире современной, технологичной, гуманной, процветающей и набожной цивилизации»³³. Именно в синтезе традиционных ценностей с современными научно-техническими достижениями влиятельный издатель видел залог будущего мирового господства, которое не будет банальным стремлением к доминированию через подчинение. Цель иная: Америке необходимо глобальное присутствие в мире с тем, чтобы изменить его к лучшему, а также выполнить свое предназначение, своего рода долг великой нации «по объединению всех наций и культур в “*global city of men*”»³⁴.

³¹ *Baughman J. L.* Op. cit. P. VII.

³² *Herzstein R. E.* Op. cit. P. 179.

³³ *Luce H. R.* *The American Pilgrimage*. P. 136.

³⁴ Цит. по: *Jessup J. K.* Op. cit. P. 89.